

Ю. А. Веселов

МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ИМПЕРИАЛИЗМ И ТЕОРИЯ ЧЕТВЕРТОГО МИРА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

92

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 31.07.2025 г.

Принята к публикации 10.10.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7

Для цитирования: *Веселов Ю. А. Мировой порядок, империализм и Теория Четвертого мира. Часть первая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 92–104. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7.*

Статья представляет собой первую часть более широкого исследования, посвященного теории Четвертого мира и эволюции современного мирового порядка. В первой части приведены результаты краткого анализа различий и особенностей научного употребления терминов «мировой порядок», «международный порядок», «международные отношения». Методологическую основу работы составляют элементы историко-политического анализа, сравнительно-типологический подход, интерпретация процессов национального строительства в условиях имперской трансформации. Предложено общее объяснение текущей роли и возможной судьбы основы современных «международных отношений» – феномена национального государства. Автор утверждает, что идея существования «наций» (и «национальных государств») неустойчива, в связи с этим предложен один из возможных (но нежелательных) сценариев развития человеческих обществ в случае крушения этой идеи. Рассмотрен феномен особого исторического типа мирового устройства, сформировавшегося на рубеже XIX – XX вв. Целью исследования является концептуализация такого порядка как самостоятельной модели мироустройства. Показано, что этот порядок характеризовался концентрацией власти у ограниченного числа национальных государств (мировых держав), осуществлявших контроль над многоэтническими обществами и реализовавших политику культурной и политической унификации. Установлено, что подобная конфигурация способствовала формированию асимметричной системы подчинения народов и легитимации иерархии международных отношений. Анализ данного исторического этапа позволяет выявить истоки последующих моделей мироустройства.

Ключевые слова: международные отношения, мировой порядок, теория Четвертого мира, этносепаратизм, империализм, нация, национальное государство

Введение

Цель данной статьи — предложить общее объяснение текущей роли и возможной судьбы основы современных международных отношений — феномена национального государства.

«Международные отношения» — фундаментальное понятие соответствующей научной специализации. Его автор, английский философ Иеремия Бентам [21], раскрывал этот термин как стихийно появляющиеся связи между национальными государствами. Национальным государством, в свою очередь, считается политическое образование (то есть совокупность граждан) в соответствии с принципом национальности. Нация определяется устоявшейся совокупностью социальных взаимодействий политического, религиозного, культурного, экономического, географического и исторического взаимодействия, из которых важнейшим элементом может считаться память об общем прошлом, трактуемая как «судьба» группы [6, с. 122].

Сам термин «международные отношения» появился в результате масштабных политических и идеологических процессов в Европе времен Реформации и укоренился в общественном и научном сознании в конце XIX в. вследствие Великой французской революции [24]. Понятие, представляющее собой перевод английского *international relations*, то есть «межнациональные отношения», конкурирует с русскоязычным термином «международные отношения». Большинство исследователей априорно решило, что эти два термина идентичны [10].

Составляющей частью нации являются этнические группы (народности), исторический путь которых возможно проследить в течение веков, если не тысячелетий [40, р. 32; 41]. Следовательно, позволительно сделать первый вывод о том, что действительно эквивалентным термином к *international relations* может являться понятие «межнациональные отношения», то есть отношения между нациями, признанными и основными субъектами, имеющими свое индивидуальное представительство в Организации Объединенных Наций. А подлинно *международными отношениями* может считаться лишь взаимодействие разнообразных этносов, большинство из которых не обладает собственной государственностью, что выводит характер их сопряжения из категории политического.

На практике националистическая программа обычно состоит в осуществлении самостоятельного контроля над территорией максимально большой протяженности с четко установленными границами, занимаемой однородным населением, которое и представляет собой значимое единство граждан. Или, согласно Дж. Мадзини, эта программа относится скорее ко всей совокупности такого населения: «Каждой нации — государство, и только одно государство для целой нации». В таком государстве либо господствует, либо пользуется привилегированным официальным статусом, монополией единый язык, то есть язык соответствующей «нации». Как утверждает британский историк

Э. Хобсбаум, если определять нации в этноязыковых терминах, среди более чем 170 политических организмов мира найдется лишь что-то около дюжины, или и того меньше тех, которые соответствуют хотя бы первой части программы Дж. Мадзини [16, с. 334].

Больше путаницы привносит и следующий уровень анализа — транснациональный. Структура, которая называется «мировым порядком», также часто считается синонимичной «международному порядку», при этом по этому вопросу сложились три основные позиции:

1) «международный порядок» и «мировой порядок» — это одно и то же; аргументация в пользу этого постулата обычно не отличается от аргументирования по поводу различий терминов «международные отношения» и «межнациональные отношения», «народ» и «нация». К этому вороху проблем добавляются также и сложные взаимоотношения между понятиями «международная политика» и «мировая политика», между которыми также не делается особой разницы (сосуществуют разнообразные точки зрения по вопросу о том, что из них является более широким понятием, а что более узким);

2) «мировой порядок» шире чем «международный порядок» за счет полного (мирового) географического охвата; более того, он предусматривает большее разнообразие субъектов взаимодействия — тех акторов, которые не вписываются в понятие «нации» [12, с. 35];

3) подлинный «мировой порядок» никогда не существовал, в отличие от «международного порядка», который «только предстоит построить» [Там же, с. 25–26, 35]. В свою очередь, «мировой порядок» не может существовать без глобальных структур, устанавливающих общие для всех правила, разделяемые и соблюдаемые всеми участниками «международных отношений» [17].

Автор данной работы склоняется ко второй позиции. Так можно прийти к разрешению спорного вопроса и установить, что межнациональные (или транснациональные) отношения — это взаимодействие между национальными государствами в соответствии с их вышеприведенным определением, а международные отношения — отношения между социальными группами, которые не относятся друг к другу как к представителям национального государства (то есть к представителям суверенной власти над некоей территорией) и не имеют политического характера. Следовательно, можно прийти к следующему логическому шагу в этой цепочке рассуждений:

1. Нация — политический конструкт, существующий несколько столетий — условно либо с Великой французской революции, либо с Вестфальского мира. Это, в свою очередь, означает, что нация (а значит и национальное государство) не существовала всегда [43, р. 9], и никто не может дать гарантий, что просуществует еще столько же времени.

2. Все существующие взгляды на исследуемый феномен так или иначе возникли в ходе развития европейской философской и общественной мысли, а значит, могут быть проявлением лишь европейского опыта и самоанализа собственной истории. Чешский историк Мирослав Хрох так и пишет: «Нация составляет неотъемлемый фон новей-

шей европейской истории...», будучи «не вечной категорией, а продуктом долгого и сложного процесса исторического развития в Европе» [6, с. 121 – 122].

Вся приведенная аргументация подводит к тому, что сама идея существования «наций» и, соответственно, «национальных государств», неустойчива, однако неизвестно, что может подорвать ее и что может прийти на замену. Антиутопии рисуют мрачные картины механизированного и обезличенного государственного аппарата, в котором уже нет никакой другой идеи, кроме репрессивной бюрократии [4; 7; 14] или же власти бизнеса [3; 15], которая в отсутствие «ночного сторожа» относится к населению как к легкозаменяемой рабочей силе.

Тем не менее, кажется, существует концепция, которая может пролить свет на открытый вопрос о национальных государствах, их проблемах и их будущем.

Мировой интернациональный порядок

Мировой интернациональный порядок – небольшой период организованной истории человечества, когда идея национального государства (и ее реализация) достигла своего апогея – конец XIX – начало XX в. Конкретный год окончания этого периода определить непросто в силу переменных повстанческих движений, происходивших с разной степенью интенсивности и спонсирования. Тем не менее твердо можно заявить, что конец мирового интернационального порядка произошел во время и по причине Первой мировой войны. События, по которым можно констатировать этот конец, – восстание в Ирландии, в результате которого 21 января 1919 г. республиканская партия «Шинн Фейн» провозгласила независимость и сформировала временное правительство, и англо-ирландский договор 6 декабря 1921 г., который положил конец британскому правлению на большей части Ирландии. Так пишет и Э. Хобсбаум: «У волны националистического сепаратизма в сегодняшней Европе есть конкретная историческая причина. Настала пора пожинать плоды Первой мировой войны» [16, с. 337]. Вопреки постулатам о том, что вследствие Первой и особенно Второй мировой войны и распада колониальных империй произошел рост национализма, выдвигается тезис о том, что такой национализм являлся вовсе не национализмом, а проявлением этносепаратизма. Более того, границы многих постколониальных государств повторяют границы, проведенные метрополиями и не предусматривают особенности местных кланово-племенных структур, а также конфессиональных критериев, что в итоге привело к многочисленным войнам на африканском континенте и существованию неустойчивых политических систем, так называемых «хрупких государств» [44]. Это означает, что многие государства в действительности не являются национальными государствами, особенно если исходить из европоцентричного понимания этого термина.

Мировой интернациональный порядок возможно определить как краткий период, во время которого максимальное количество народов (то есть этнических групп) было подчинено минимальному количеству национальных государств.

К 1914 г. 90 % Африки находилось под формальным контролем мировых национальных держав [29, р. 101]. В других частях света к тому времени находились либо уже достаточно устойчивые национальные государства (США, страны Латинской Америки, Япония), либо другие колониальные владения (французский Индокитай, британский доминион Австралия, германская колония Цзяо-Чжоу в Китае и т.д.). Следовательно, мировой интернациональный порядок на самом деле представляет собой быстрое краткое мгновение в силу того, что разогретые экспансией и множеством кризисов (неравные выгоды от «гонки за Африку», Танжерский и Агадирский кризисы, последствия Франко-прусской войны, столкновения пангерманизма и панславизма, борьба за морское могущество и т.п.) национализмы не могли не столкнуться друг с другом.

Что касается самих великих национальных держав, то на то, что они были действительно такими, указывает их внутренняя политика. Как писал британский политолог и социолог Б. Андерсон, национализм является в первую очередь чертой имперского государства [19, р. 104].

В Германской империи германизация проводилась поступательно. Несмотря на то что знаменитая политика О. Бисмарка, получившая название *Kulturkampf* (нем. «борьба за культуру»), преимущественно предполагала ослабление роли католического духовенства, тем не менее она была направлена на централизацию германской нации и ослабление католиков-поляков [36]. В целом Культуркампф и аналогичные политические концепции были интенсивной формой культурной германизации. Английский лингвист Роберт Филлипсон в своей концепции «лингвистического империализма» обозначает, что образование «имеет особенно большое значение в процессах выстраивания языковой иерархии» в продвижении одних и угнетении других языков имперского пространства [37, р. 47]. Так, начальное образование в Эльзас-Лотарингии основывалось на трех базовых принципах: оно носило обязательный характер, разделялось по конфессиональному признаку и имело своей целью германизацию. Германские власти упорно добивались обязательности посещения детьми школ, воздействуя на «нерадивых» родителей крупными штрафами или даже небольшими тюремными сроками, а преподавание французского языка запрещалось (местами) [2]. Германизация проявлялась во введении немецкого как единственного официального языка в школах и государственных учреждениях, стимулировании переселения немецких колонистов в восточные регионы (Познань и Силезия), принятии законов, запрещающих использование польского и французского языков в официальных документах и на публичных мероприятиях, а также в активном использовании пропаганды для распространения идей германизации через СМИ, культурные мероприятия и образовательные учреждения.

Вероятно, наиболее тяжелая ситуация была в Австрийской империи ввиду сосуществования многочисленных славянских, итальянских и других народов. Согласно австрийско-американскому историку и одному из главных специалистов по империи Габсбургов Роберту Канну, к началу Первой мировой войны австрийские немцы составляли лишь четверть (около 23 %) населения, славяне (чехи, словаки, хорваты, сербы, поляки, русины и словенцы) 46,9 %, венгры — 20,2 % [26, р. 607]. В такой ситуации правительство с трудом могло осуществлять общенациональную политику, что привело к созданию многочисленных автономий и сецессионных уступок: например, администрации и суды в Чехии могли вести дела на языке лица, чье дело разбиралось. Император Франц Иосиф колебался между этническим и историко-традиционным федерализмом, иногда возвращаясь к триализму (неудавшаяся идея о создании федералистского государства австрийцев, венгров и славян) [27, S. 193–197]. Провальная внутренняя политика габсбургской монархии привела к уступкам и созданию в 1867 г. Австро-Венгрии.

Историк Питер М. Джадсон утверждает, что националистическая пропаганда в Австро-Венгрии, по сути, велась только частью соответствующей национальной образованной элиты и мало влияла на население в целом до Первой мировой войны. С другой стороны, население было лояльно к династии Габсбургов и конституционным институтам империи: «Существование националистических движений и конфликтов не ослабило государство до опасной для жизни степени и уж точно не привело к его краху в 1918 год». Представление об империи Габсбургов как о «тюрьме народов» было всего лишь элементом последующей стратегии оправдания политиков государств-преемников [25, S. 487].

В целом такая ситуация в Австрийской монархии оправдывается именно тем, что империя была государством, сохранившим «донаполеоновские династические традиции», — в большей степени государством при династии, чем национальным государством.

В истории Российской империи известность получил так называемый Валуевский циркуляр (1863), появившийся в разгар польского восстания 1863–1864 гг. Причиной для его создания была попытка осуществления «сепаратистских замыслов» «под предлогом распространения грамотности и просвещения» [5, с. 284]. Позицию России в отношении циркуляра в частности и других подобных документов высказал его автор, министр внутренних дел, граф Петр Александрович Валуев: «...большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, испорченный влиянием на него Польши...» (цит. по: [1, с. 51]).

Дополнял основные положения циркуляра Эмский указ 1876 г., иначе называемый «Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая в г. Эмсе», направленный на

ограничение использования «малорусского наречия» «в видах пресечения опасной, в государственном отношении, деятельности украинофилов» [18].

Четырнадцатого июля 1864 г. Александром II было принято Положение о начальных народных училищах, согласно которому в земских школах стали преподаваться русский язык, чистописание, арифметика, Закон Божий, церковнославянский язык и церковное пение. Подобные реформы не только способствовали увеличению числа грамотного населения, но и укрепляли единство русского народа, препятствуя образованию сепаратистски настроенных языковых автономий.

В целом ускоряющаяся модернизация страны неизбежно приводила к необходимости унификации всех сторон жизни социума на основе русского языка [9]. К началу XX в. правительство России разработало широкий комплекс мероприятий по распространению русского языка среди «иногородцев». Заметная роль в русификаторских проектах отводилась системе народного образования.

В конце XIX — начале XX в. в Британской империи также проводилась политика англификации, направленная на унификацию и интеграцию колоний через распространение английского языка и культуры. Британская империя представляет собой один из самых успешных примеров национализма (даже с учетом распада колониального мироустройства), прежде всего потому, что английский язык стал мировым языком, а Британия в целом проводила «англобализацию мира» [13, с. 30]. Об этом пишет британский историк Нил Фергюсон в знаменитой книге «Империя: чем современный мир обязан Британии», где доказывает, что Британская империя сыграла значительную роль в формировании современного мира, распространяя английский язык, культуру и правовые системы по всему земному шару [Там же].

В частности, на Нормандских островах, где ранее население пользовалось преимущественно нормандским диалектом французского языка, с помощью умелой пропаганды английский язык стал рассматриваться как «язык коммерческого успеха, моральных и интеллектуальных достижений» [31, р. 42]. Рост английского языка и упадок французского привели к принятию большего количества ценностей и социальных структур из викторианской Англии [28, р. 269]. В конечном итоге это привело к тому, что культура Нормандских островов стала в основном англоязычной [Ibid., р. 270]. С 1912 г. система образования Нормандских островов велась исключительно на английском языке, следуя нормам британской образовательной системы.

Другой пример — Закон о начальном образовании 1870 г. и Закон о валлийском среднем образовании 1889 г., которые ввели обязательное обучение на английском языке в образовательную систему Уэльса. Английский «воспринимался как язык прогресса, равенства, процветания, массовых развлечений и удовольствий» [46, р. 36]. Эта и другие административные реформы привели к институциональному и культурному доминированию английского языка и маргинализации валлийского, особенно в более урбанизированных районах юга и северо-востока Уэльса [Ibid.].

Англификация достигла наибольшего эффекта после англо-бурской войны, когда британцы решили прививать африканским детям английский язык и культуру, оспаривая прежнее голландское общественное влияние [32]. Особенно значительный вклад в достижение этих целей внес Эдмунд Бил Саргант, английский колониальный чиновник, который был инициатором создания английских языковых школ в (первых в мире) концентрационных лагерях. Не может быть никаких сомнений в том, что деятельность этих школ имела политический подтекст и что они представляли собой идеальную возможность для внедрения проекта англификации Альфреда Милнера. Милнер, в свою очередь, был одним из влиятельнейших британских политиков-империалистов, настаивающих на проекте «имперской федерации» (то есть имперского союза колоний и метрополии), которая способствовала бы централизации, единству и создавала бы, по его словам, «постоянно связывающую силу» (цит. по: [38, p. 133]).

Образование воспринималось как способное в корне изменить национальный характер буров, тем самым создав гармоничную и англизированную Южную Африку. По словам Сарганта, он хотел склонить «молодое поколение голландских африканеров к английскому образу мышления и речи и к английским идеям правдивости и лояльности» (цит. по: [32, p. 9]). Саргант и Милнер были теми, кто ожидал от образования подчиненных этносов скорее не общего повышения грамотности, а того, чтобы сделать их англичанами, способствовать тому, чтобы они полюбили английские обычаи, стали настоящими британскими подданными [23].

В XIX—XX вв. в Соединенных Штатах также предпринимались общенациональные усилия по англификации всех иммигрантов в США с помощью разных методов, включая обязательное преподавание американского английского и замену имен всех иммигрантов на имена, звучащие по-английски. Это движение было известно под названием американизации.

Аналогично и во Франции проводилась схожая политика, называемая франконизацией. Во многом она напоминала Культуркампф восточного соседа: в частности, законы Жюлья Ферри в сфере начального образования 1881—1882 гг. способствовали секуляризации государственного образования, установлению единых стандартов. Французский язык становился основным средством преподавания, а использование региональных языков, таких как бретонский, окситанский, баскский и пр., активно запрещалось в школах [33]. Французский был представлен как язык современности, в отличие от региональных языков, таких как бретонский или баскский, которые были обозначены как варварские или племенные. Учеников, уличенных в разговоре на этих языках, наказывали [45, p. 211]. Окситанцы называли столетия такой дискриминационной политики «бергонья».

Помимо континента колониальные чиновники проводили политику франко-европеизации во французских колониях, прежде всего во Французской Западной Африке и на Мадагаскаре [42].

В конце XIX в. Париж окончательно закрепился как символ национальной власти и культурного единства Франции, которая разделилась на департаменты, подчиненные центру, тогда как местные автономии, основанные на исторических и культурных традициях, были ликвидированы. Как и в случае других национальных государств, строительство железных дорог и развитие почтовой системы способствовали укреплению связей между регионами и центром, интегрируя их в национальную экономику. Премьер-министр Жюль Ферри открыто пытался укрепить централизованное государство, прививая населению французскую национальную идентичность [22, р. 10; 45, р. 211]. Тем не менее франконизация не стала приоритетом французского колониализма. Строгая сегрегация между «французскими подданными» и «французскими гражданами» сохранялась до 1946 г. Как было отмечено в трактате 1927 г. о французском колониальном праве, предоставление французского гражданства коренным жителям «было не правом, а скорее привилегией» [30, р. 60]. Два указа 1912 г., касавшиеся Французской Западной Африки и Французской Экваториальной Африки, перечисляли условия, которым должен был соответствовать коренной житель, чтобы получить французское гражданство (умение говорить и писать по-французски, достойный заработок и демонстрация высоких моральных стандартов). Так, в период с 1830 по 1946 г. только от 3 до 6 тыс. коренных алжирцев-мусульман получили французское гражданство. Современный французский политолог Оливье Ле Кур Гранмезон пишет о «государственном расизме» Третьей французской республики, приводя в пример «Кодекс коренных народов» 1881 г. [Ibid.].

Один из хрестоматийных примеров национального строительства — италянизация, последовавшая за культовой фразой сторонника итальянского «Рисорджименто» Массимо де Адзельо: «Мы создали Италию, теперь осталось создать итальянцев» (цит. по: [34, р. 255]). После создания единой Италии в 1871 г. требовалось ввести единые централизованные стандарты и создать гомогенное общество из неаполитанцев, ломбардцев, венецианцев, тирольцев, пьемонтцев и пр., каждый из которых говорил на собственном диалекте, порой, в случае, например, пьемонтцев, родственном больше французскому. Поставленные цели были достигнуты путем унификации законодательства новых территорий по пьемонтскому образцу, а также путем формирования региональных структур власти с опорой на французский опыт политической централизации [8].

Национальное строительство не было исключительно европейским феноменом, даже не учитывая особый случай Соединенных Штатов. Характерна и политика, проводимая в Японской империи. В 1879 г. Япония официально аннексировала королевство Рюкю, которое до этого столетиями было королевством — данником как династии Цин, так и Японии. Хотя рюкюанские языки принадлежат к японской языковой семье, японский язык был непонятен жителям острова. Японское правительство, в свою очередь, не без оснований рассматривало рюкюан-

ские языки как диалекты японского и начало продвигать программу языковой «стандартизации». В школах пропагандировался «стандартный» японский язык, а в классах появились портреты японского императора и императрицы [39].

Другой группой, подвергшейся японизации, стали айны, аборигенное население острова Хоккайдо. Поначалу их подвергали системе «исправления нравов», после чего правительство поручило обучить их японскому языку и японским обычаям. Масштабная колонизация острова началась лишь после «реставрации Мэйдзи»: мужчин-айнов заставляли стричь бороды, женщинам запрещали делать татуировку губ, носить традиционную айнскую одежду. Еще в начале XIX в. были введены запреты на проведение айнских ритуалов [11].

Другим, правда, более поздним примером является колониальная Корея, которая с 1910 по 1945 г. была включена в состав Японской империи под названием Чосон. Использование корейского языка было запрещено в школах после 1937 г. в рамках программы «Соши-каймэй» наряду с преподаванием японского языка и культуры в школах вместо корейской культуры и истории. Во время Второй мировой войны использование корейской письменности в образовании и публикациях также было запрещено. В этот период корейцы были вынуждены сменить свои фамилии на японские, а японские власти стимулировали их перенимать и использовать японские имена и идентифицировать себя как японцев [35].

Практически каждая нация строила свои внешнеполитические проекты — в частности, в русском национальном государстве такой идеей был панславизм, в германском национальном государстве — пангерманизм. Британский профессор, специалист по международным отношениям Дункан Белл в книге «Идея Великой Британии: империя и будущее мирового порядка, 1860—1900» [20] пишет об «англосфере», другом национальном движении. После объединения Италии была задумана амбициозная политика под названием «Великая Италия», предполагавшая присоединение северного Тироля, Трентино и балканских стран, а также построение империи, в которой неитальянские элементы ассимилировались бы и была бы осуществлена итальянская колонизация.

В целом национальные проекты медленно, но поступательно реализовывались во всех мировых национальных державах и имели определенные результаты, поскольку были рассчитаны на будущие поколения, но тем не менее не достигали желаемых целей. Разделив мир между собой, но не полностью его ассимилировав, мировые державы вмешивались во внутренние дела друг друга, провоцируя сепаратизм, чтобы геополитически ослабить своих соперников или присоединить те территории, которые они считали своими (например, Франция — Эльзас и Лотарингию). Националистическая пропаганда и усиливавшаяся взаимная неприязнь между нациями разрушили мировой интернациональный порядок.

Список литературы

1. Александровский И. С. «Язык» или «наречие?» Полемика вокруг украинского языка в XIX в. // Вестник МГОУ. 2009. №1. С. 46 – 53.
2. Бодров А. В. Особенности германской языковой политики в Эльзас-Лотарингии в 1871 – 1914 гг. // Петербургский исторический журнал. 2020. №2. С. 165 – 176.
3. Дик Ф. К. Мечтают ли андроиды об электроовцах? М., 2024.
4. Замятин Е. Мы. М., 2024.
5. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
6. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121 – 145.
7. Оруэлл Дж. 1984. М., 2002.
8. Попов Д. И. Италия в период Рисорджименто: неудача федералистского проекта // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 28 апреля 2017 г.). Омск, 2017. С. 104 – 112.
9. Пулькин М. В. Укрепляя империю: политика русификации на северных окраинах России в XIX – начале XX века (по материалам Олонецкой губернии) // Исторический курьер. 2021. №5 (19). С. 87 – 97.
10. Романович Н. А. Война в теории международных отношений // Международный научно-исследовательский журнал. №6 (144). 2024. С. 1 – 7.
11. Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? М., 1990.
12. Фененко А. В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. Т. 21, №1. С. 6 – 42.
13. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / пер. с англ. К. Бандуровского. М., 2013.
14. Хаксли О. Л. О дивный новый мир. М., 2024.
15. Харт Р. Склад. The Warehouse. М., 2020.
16. Хобсбаум Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 332 – 346.
17. Цыганков П. А. Международные отношения. М., 1996.
18. Эмский указ, 1876 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=9085> (дата обращения: 29.12.2024).
19. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. L., 1983.
20. Bell D. The idea of Greater Britain: Empire and the future of world order, 1860 – 1900. Princeton, 2007.
21. Bentham J. Of the principle of utility // Bentham J. An introduction to the principles of morals and legislation. L., 1789. P. I – VI.
22. Betts R. F. Assimilation and association in French colonial theory, 1890 – 1914. Lincoln; L., 2005.
23. Colonist. 1902. №45. 23 July.
24. Gellner E. Plough, sword and book: The structure of human history. L., 1988.
25. Judson P. M. Habsburg. Geschichte eines Imperiums. 1740 – 1918. München, 2017.
26. Kann R. A. A history of the Habsburg Empire, 1526 – 1918. Berkeley ; Los Angeles ; L., 1980.

27. *Kann R.A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Band 2: Ideen und Pläne zur Reichsreform. Graz ; Köln, 1964.
28. *Kelleher J.D.* The rural community in nineteenth century Jersey : thesis (PhD). Warwick, 1991.
29. *Killingray D.* The war in Africa // The Oxford illustrated history of the First World War: New Edition / ed. by H. Strachan. Oxford, 1998.
30. *Le Cour Grandmaison O.* De l'Indigénat. Anatomie d'un monstre juridique: Le Droit colonial en Algérie et dans l'Empire français. P., 2010.
31. *Le Feuvre D.* Jersey: Not quite British: The rural history of a singular people. Jersey, 1994.
32. *Le Roux S.C.* Creating a British world: British colonial teachers and the anglicising of Afrikaner children // Yesterday and Today. 2016. №15. P. 1 – 20.
33. *Loi du 16 juin 1881 établissant la gratuite absolue de l'enseignement primaire dans les écoles publiques.* 17 juin 1881. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000877118/> (дата обращения: 12.12.2024).
34. *Magdi A.* Io amo l'Italia: ma gli italiani la amano? Milano, 2006.
35. *Mizuno N.* Colonial control and "human control". 2006. URL: <https://web.archive.org/web/20061022101627/http://www.zinbun.kyoto-u.ac.jp/staff/youran/mizuno.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).
36. *Pflanze O.* Bismarck and the development of Germany. Princeton, 1971. Vol. 2 : The Period of Consolidation, 1871 – 1880.
37. *Phillipson R.* Linguistic imperialism. Oxford, 1992.
38. *Porter B.* The lion's share: A short history of British imperialism 1850 – 1970. L. ; N. Y., 1975.
39. *Rabson S.* Assimilation policy in Okinawa: Promotion, resistance, and "reconstruction" // Japan Policy Research Institute. Occasional Paper. 1996. №8. URL: <https://web.archive.org/web/20190630161946/http://www.jpri.org/publications/occasionalpapers/op8.html> (дата обращения: 12.12.2024).
40. *Smith A.* National identity. Harmondsworth, 1991.
41. *Smith A. D.* The ethnic origins of nations. Oxford, 1986.
42. *Spencer S.* The Moroccan soul: French education, colonial ethnology, and muslim resistance, 1912 – 1956. Lincoln, 2009.
43. *Talmon L.J.* The myth of the nation and the vision of revolution. L., 1981.
44. *Thomas C.G., Falola T.* Secession and separatist conflicts in postcolonial Africa. Calgary, 2020.
45. *Watson C.* Modern Basque history: Eighteenth century to the present. Reno, 2003.
46. *Williams C.H.* The Anglicisation of Wales // English in Wales: Diversity, conflict, and change / ed. by N. Coupland, A.R. Thomas. Clevedon; Philadelphia, 1990. P. 19 – 47.

Об авторе

Юрий Александрович Веселов – преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com

Yu. A. Veselov

**WORLD ORDER, IMPERIALISM
AND THE "THEORY OF THE FOURTH WORLD".
PART ONE**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received 31 July 2025

Accepted 10 October 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7

104

To cite this article: Veselov Yu. A. 2026, World order, imperialism and the "theory of the fourth world". Part one, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 92–104. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7.

The article constitutes the first part of a broader study devoted to the analysis of Fourth World theory and the evolution of the contemporary world order. This first part presents the results of a brief analysis of the differences and specific features in the scholarly use of the terms "world order," "international order," and "international relations." The methodological framework combines elements of historical and political analysis, a comparative typological approach, and an interpretation of nation-building processes under conditions of imperial transformation. The article offers a general explanation of the current role and possible future of the foundation of contemporary "international relations" – the phenomenon of the nation-state. The author argues that the idea of the existence of "nations" (and "nation-states") is unstable and, on this basis, proposes one possible (though undesirable) scenario for the development of human societies in the event of the collapse of this idea. The study examines the phenomenon of a specific historical type of world order that emerged at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Its aim is to conceptualize this order as an independent model of world organization. The article demonstrates that this order was characterized by the concentration of power in a limited number of nation-states (world powers) that exercised control over multiethnic societies and pursued policies of cultural and political unification. It establishes that such a configuration contributed to the formation of an asymmetrical system of subordination among peoples and to the legitimation of a hierarchical structure of international relations. Analysis of this historical stage makes it possible to identify the origins of subsequent models of world order.

Keywords: international relations, world order, fourth world theory, ethnoseparatism, imperialism, nation, nation-state

The author

Yuri A. Veselov, Lecturer at the Department of International Organizations and World Political Processes, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com